

центрическая концепция, под которой я мог бы подписаться. Но возникает иной вопрос: а зачем нам наряду с термином *языковая деятельность* (соссоровский термин *langage*) дублирующий его термин *дискурс*?

Поэтому наиболее приемлемой для функционального прагматизма я считаю трактовку термина *дискурс* как функциональной разновидности языковой деятельности, т. е. как варианта языковой деятельности, специфицированного социально-психологическими, деятельностными, стилистическими, тематическими или пространственно-временными факторами. Следовательно каждый дискурс (равно как и языковая деятельность в целом) может обладать своим типом языка, своим типом речевой деятельности и своим типом текстов.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что с эпистемологической точки зрения можно вести речь о теории дискурса в рамках какой-то конкретной лингвистической концепции только тогда, когда понятие «дискурс» является прагматически необходимым и функционально значимым в данной концепции и не покрывается другими понятиями из этой же концепции. Именно поэтому нет никакого смысла говорить о какой-то одной, общей теории дискурса, так же, как нет смысла говорить о разных теориях одного и того же объекта. Объект является частью теории, а теория – частью методологической концепции и вне данной концепции и данной теории нет и быть не может никакого объекта.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс, в: Лингвистический энциклопедический словарь /под ред. В. Н. Ярцевой. – Москва, 1990. – С. 136-137.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1 (А-О). – Москва, 1999, <http://www.owl.ru/gender/312.htm>.
3. Ван Дейк Т. К определению дискурса. <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
4. Дискурс, в: Википедия – свободная энциклопедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дискурс>.
5. Кибрик А., Паршин П. Дискурс, в: Энциклопедия Кругосвет, <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a1.htm>.
6. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней: Материалы конференций и семинаров. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – С. 7-14.
7. Милевская Т. Дискурс и текст: проблема дефиниции, <http://teneta.rinet.ru/rus/me/milevskat-discourseandtextdfn.htm>.
8. Миллер А. О дискурсивной природе национализмов, «Гражданское общество», том 2, 1997, № 4, <http://www.carnegie.ru/ru/print/55643-print.htm>.
9. Орлов Г. А. Современная английская речь. – Москва, 1991.
10. Руднев Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка, http://zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm.
11. Серю П. Как читают тексты во Франции, в: Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – Москва, 1999. – С. 12-53.
12. Сусов, И. П. Введение в теоретическое языкознание: Электронный учебник. – Тверь, 1999, http://homepages.tversu.ru/%7Eiips/1_06.htm.
13. Толдорв Ц. Понятие литературы, в: Семиотика. – Москва, 1983. – С. 355-369.
14. Усманова А. Р. Дискурс, дискурсия, в: Энциклопедия социологии, <http://slovari.vandex.ru/art.xml?art=sociology/soc/soc-0327.htm&encpage=sociology&mrkp=http%3A/hghltd.vandex.com/vandbtm%3Furl%3Dhttp%253A/encycl.vandex.ru/texts/sociology/soc/soc-327.htm%26text%3D%25E4%25E8%25F1%25EA%25F3%25F0%25F1%26reqtext%3D%25E4%25E8%25F1%25EA%25F3%25F0%25F1%253A%253A1280168%26%26isu%3D2>.

Лещак С. А.

ЯЗЫКОВОЕ КЛИШЕ КАК ОБЪЕКТ ТРАНСЛАТОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДОВ ДЕЛОВЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

При изучении проблем перевода очень часто (особенно при нефункциональных подходах) исследователи смешивают явления межъязыковой аналогии речевых знаков и межъязыковой системной аналогии. Иначе говоря, словарные (категориальные и сигнификативные) соответствия зачастую могут оказываться нерелевантными на референтивном (т. е. текстовом, ситуативном) уровне. Семантика речи нередко требует отхода от системно-категориальной адекватности.

В случаях с языковыми клише – необразными аналитическими номинативными знаками – т.н. «словарное значение» в буквальном смысле слова *словарный* явление весьма трудноустановимое. В. Н. Крупнов отметил: «К понятию эквивалента, как, собственно говоря, и к любому другому научному понятию, нельзя подходить односторонне. [...] Никакой словарь не освобождает переводчика от учета роли контекстуальных факторов и особенностей индивидуального авторского стиля» [1]. Это совершенно справедливо высказывание. Так, например, при переводе фразы *Jest to POLSKI produkt o wysokich walorach jakościowych i smakowych, wytwarzany w oparciu o tradycyjną, sprawdzoną technologię* [FRITAR, <http://www.fritar.com.pl/oferta.htm>] просто необходимо отойти от словарной адекватности, поскольку польскому клише *wysokie walory* на словарном уровне могло бы соответствовать русское слово *достоинства*, польскому клише *wysoka jakość* – русское клише *высокое качество*, а польскому *walory smakowe* – русское клише *вкусовые свойства* (в случае *wysokie walory smakowe* – *вкусовые достоинства* или *отличные вкусовые свойства*), но при их соединении в рекламный штамп *produkt o wysokich walorach jakościowych i smakowych* соединить все указанные русские единицы в одну адекватную польскому оригиналу единицу не представляется возможным. Отсюда неточность и ошибочность предложенного фирмой перевода *Это Польский продукт с высоким достоинством, качественный и вкусный, изготовленный по традиционной и проверенной технологии*, поскольку в русском нет клише **высокое достоинство*. Переводчики нередко забывают, что задача текста состоит не в демонстрации нормативных возможностей словаря и грамматического строя языка, а в сообщении некоторого содержания и выражении некоторой смысловой интенции.

Задача переводчика с функционально-прагматической точки зрения – не передать сведения о действительности, а перевести текст, т. е. передать средствами языка-реципиента прагматически релевантную информацию (в т. ч. эмоциональную, ментальную, эстетическую, этическую), заключенную в тексте оригинала. Текст всегда прагматически подчинен стилю и типу деятельности. Ю. Найда как-то отметил, что «каждая дефиниция перевода без всякого сомнения будет в значительной мере зависеть от цели, которую преследует этот перевод» [3, с. 331]. Публицистический текст должен убеждать, увлекать, призывать, волновать, побуждать, а не (только) информировать. Деловой текст должен помогать организации совместной экономической деятельности или использованию продуктами труда. Научный – аргументи-

рованно доказывать истину какой-то общей теории или правомочность выдвижения какой-то гипотезы. В художественном же тексте важно то, для какой эстетической цели использовано именно в этом месте этого текста этого автора именно это название.

В нашем случае (при русско-польских и польско-русских переводах клише) крайне важны все традиционно учитываемые в транслатологии аспекты – лексико-семантический, структурный, и прагматический.

а) лексико-семантический аспект

Со структурной точки зрения клише (равно как и слова) могут рассматриваться в транслатологии как эквивалентные и безэквивалентные. Первые можно дифференцировать по типу и по степени эквивалентности, которая может быть несколько ослаблена семантическими или формальными несоответствиями.

По типу эквивалентности можно все случаи перевода эквивалентных клише разбить на две группы: «клише – клише» и «клише – слово». К первой относим случаи: *неопровержимые доказательства – niezbite dowody*, *тепловая энергия – energia cieplna*, *солнечная корона – korona Słońca*, а ко второй – *pan młody – жених*, *zajść w ciążę – забеременеть*, *kotlet schabowy – отбивная*, *plywająca góra lodowa – айсберг*. Вторая группа особенно интересна как в практическом, так и в теоретическом отношении, поскольку она ясно дает понять лексикологическую и семиотическую идентичность клише и слов как лексических знаков языка. Но это же обстоятельство делает данную группу аналогов особо опасной для транслатологической практики. Переводчики склонны переносить языковой статус знака родного языка на его иноязычный аналог. Незнание клише *byłszy w употреблении* и отсутствие семантической аналогии между польским *używać* и русским *использовать* привели польского переводчика к изобретению собственного способа перевода польского клише *używane części* русским образованием *уже употребляемые части* [AUTOWIKOM, <http://www.bmwok.etm.pl>]. В случае незнания словесного аналога переводчика, зная о возможности межъязыкового соответствия «слово – клише», нередко прибегают к выбору семантически отличающегося клише, что также порождает явление мнимой аналогии.

По степени эквивалентности клише-аналоги можно условно разделить на полные и неполные аналоги, а эти последние – на аналоги с лексическими, деривационными, морфологическими и синтаксическими несоответствиями (*квазианалоги*). Квазианалоги не стоит рассматривать как ошибки или девиации. Это вынужденное несоответствие значения или формы единиц двух языков, функционально замещающих друг друга при переводе.

Полными аналогами (если отвлечься от факторов частотности и прагматики) можно считать пары: *тяжелые времена – ciężkie czasy*, *дождь со снегом – deszcz ze śniegiem*, *извержение вулкана – erupcja wulkanu*, *звезда первой величины – gwiazda pierwszej wielkości*. Нередко в основе полного соответствия клише лежит их иноязычное происхождение (это либо заимствования, либо кальки): *зеленая карта – zielona karta (green card)*, *люди доброй воли – ludzie dobrej woli (people of good will)*, *мыльная опера – opera mydlana (soap opera)*, *машина времени – wiehikul czasu (time machine)*. И. Дашиньска называет такие аналоги *моноэквивалентами* [2].

Лексически неполными аналогами могут считаться те клише, которые покрывают одно и то же понятийное пространство, но оформлены при этом совершенно различными (часто даже неизоморфными) лексическими средствами (*скорая помощь – pogotowie ratunkowe*, *солнечный удар – porażenie słoneczne*, *камера хранения – przechowalnia bagażu*). Обычно при отсутствии словарного аналога (или при отсутствии необходимого специализированного словаря) переводчики пытаются создать свой аналог на основе оригинала, заимствуя корнесловы или целые слова и клише из родного языка (родство польского и русского языка иногда структурно позволяет проделывать такие операции): *принимать участие (не брать участие) – brać udział (не przysięgować udział)*, *dostać awans – продвигаться по службе (не получить аванс)*, *między innymi – в том числе (не между иными или между прочим)*, *ostrą amunicją – боевые патроны (не острая амуниция)*.

Вторая группа клише – безэквивалентные – может быть дифференцирована в зависимости от характера различий между значением клише языка оригинала и значением категориально ближайшей лексической единицы в языке перевода. Эти различия могут обладать родо-видовым характером, т. е. касаться собственно категориальной части значения (содержания) клише, но могут основываться и на дифференциальных семантических признаках, т. е. касаться референтивной части (объема) его значения. Категориально безэквивалентными являются обычно знаки культуры, обозначающие реалии, отсутствующие в другой культуре или в другом типе цивилизации: *русская баня, хлебный квас, плацкартный вагон, товарищеский суд, вор в законе, Великая Отечественная война, Старый новый год, рождественский бал, избушка на курьих ножках, сын полка, брат на поруки, Воже Ciało, pierogi ruskie, pracownik samodzielný, Jego Magnificencja, bardzo dobry* (школьная оценка). Референтивно безэквивалентными являются клише, которые имеют полный или частичный аналог в языке перевода, однако различаются по смысловому объему или этнокультурной значимости: *стройная березка, рядовой состав, штабной вагон, Рождество Христово, Новый год, Дед Мороз, пионерский лагерь, постное масло, ночь на Ивана Купала, samochód terenowy, chusteczki higieniczne, studia podplomowe, noc świętojańska, Anioł Pański*.

б) структурный аспект

В области перевода клише наиболее частотными являются весьма близкие к лексическим квазианалогам неполные аналоги деривационного типа. К таким следует относить структурно соотносимые клише, отличающиеся частично (одним из компонентом): *холодное оружие – broń biała (не broń zimna)*, *огнестрельное оружие – broń palna (не broń strzelna)*, *подходить к концу – dobiegać końca (не podchodzić do końca)*, *zawrotna kariera – головокружительная карьера (не заворотная карьера)*, *гражданская война (не домашняя война) – wojna domowa (не wojna obywatelska)*. По этому принципу очень часто образуются

деривационные псевдоаналоги. Их специфика состоит в том, что переводчик, скорее всего, либо знает о наличии такого клише в русском языке, но в силу ряда обстоятельств структурно его деформирует, заменяя компоненты синонимичными, либо просто пытается перевести оригинальную единицу пословно. Например, под влиянием польского оригинала клише *оказывать поддержку* и *оказывать помощь* в выше упоминавшейся рекламе фирмы PYROFLEX превращаются в *уделять поддержку* и *нести помощь*.

Целый ряд клише – культурных знаков обладает различным оформлением в польском и русском языках:

- лексико-деривационным – *Андрей Первозванный* – *święty Andrzej*, *Августин Блаженный* – *święty Augustyn*, *Морзе Арктиczne* – *Северный Ледовитый Океан*, *Джек Потрошитель* – *Kuba Rozpruwacz*, *волшебная палочка* – *czarodziejska różdżka*, *Вербное Воскресенье* – *Niedziela Palmowa*;

- структурно-деривационным – *Венера Милосская* – *Wenus z Milo*, *Туманность Андромеды* – *Wielka Mgławica w Andromedzie*, *Dziadek do orzechów* – *Щелкунчик*, *doktor habilitowany* – *доктор* (каких-л.) *наук*, *остров Пасхи* – *Wyspa Wielkanocna*;

- деривационно-морфологическим – *Саудовская Аравия* – *Arabia Saudyjska*, *Ближний Восток* – *Bliski Wschód*, *Персидский залив* – *Zatoka Perska*, *мальтийский крест* – *krzyż maltański*, *Вавилонская башня* – *Wieża Babel*, *Земля Обетованная* – *Ziemia Obiecana*, *священная корова* – *święta krowa*;

- морфологическим – *берлинская стена* – *mur berliński*, *азбука Морзе* – *alfabet Morse'a*, *дельфийский оракул* – *wyroczenia delficka*, *детектор лжи* – *wykruwacz kłamstw*, *Млечный Путь* – *Mleczna Droga* или

- синтаксическим – *Пресвятая Дева Мария* – *Najświętsza Maria Panna*, *святой отец* – *ojciec święty*, *Соединенные Штаты* – *Stany Zjednoczone*, *Европейский Союз* – *Unia Europejska*, *Большой театр* – *teatr Bolszoi*.

Все эти расхождения могут становиться причиной ошибочных, неточных или непоследовательных переводов, т. е. псевдоаналогов.

в) прагматилистический аспект

Если говорить о специфике перевода клише, то следует взять во внимание факт их прагматилистической привязанности. Нельзя переводить информационно-публицистические клише научными или деловыми (особенно канцелярскими), равно как и клише, являющиеся научными или деловыми терминами нельзя переводить публицистическими или бытовыми лексическими единицами. Хотя это и общее правило стилистики перевода, но в случае с клише оно особенно важно, ведь среди них (в отличие от слов) очень невелик процент т. н. общеупотребительной и стилистически нейтральной лексики. Обычно клише (и синонимичные им слова) строго маркированы в прагматилистическом плане. Поэтому крайне важно при переводе обращать внимание на то, насколько эквивалентны межъязыковые аналоги в этом отношении. Ср.: *obsługa techniczna* (нейтр.) – *техническое обслуживание* (офиц.) – *техобслуживание* (неофиц.), *stacja benzynowa* (нейтр.) – *бензозаправочная станция* (офиц.) – *бензозаправка* (неофиц.), *входной билет* (нейтр.) – *bilet wstępu* (офиц.) – *wejściówka* (неофиц.), *божья коровка* (нейтр.) – *boża krówka* (разг.) – *biedronka* (нейтр.). Наиболее частотными случаями нарушения стилистической ситуации являются ситуации стилистического маркирования нейтрального оригинала, а также «повышение» или «снижение» стиля.

Подытоживая сказанное, можно констатировать факт обилия несоответствий объективного (квази-аналогия) и субъективного (псевдоаналогия) плана в польско-русских переводах, причем в тех прагматилистических сферах, которые традиционно принято считать максимально поддающимися переводу – в официально-деловой, публицистической и научной. Значительную часть ошибок и отклонений составляют неточные переводы языковых клише. Причиной такого состояния в подавляющем большинстве случаев является игнорирование языкового лексикологического статуса этих единиц. Не замечая функционального (прагматического), семантического и структурного единства клише как единицы информационной базы языка, переводчики пытаются переводить их на словесном и словарном уровне. Кроме этого, редукционизм в понимании языковой системы знаков зачастую не позволяет переводчикам понять и принять на вооружение довольно простой принцип прагматической ценности знака, согласно которому характер и статус знака в языке и его роль в речи всецело зависит от типа речевой деятельности и специфики коммуникативной интенции. А это требует постоянного учета «привязанности» единицы к конкретной сфере коммуникации и к определенным тематическим полям и когнитивным пространствам картины мира.

По нашему мнению, теория транслатологии должна пересмотреть методику перевода единиц такого рода, приняв во внимание, во-первых, их особенное, промежуточное место в языковой системе – между словом и фразеологизмом, во-вторых, номинативную функцию, которую они выполняют в речевом континууме наряду со словоформами и свободными словосочетаниями, и в-третьих, их весьма четкую дистрибуированность между прагматилистическими сферами коммуникации – в каждом типе речевой деятельности используется свой характерный набор языковых клише, которые зачастую связаны между собой эпидигматическими (мотивационными) отношениями и образуют сложную систему омонимидных связей.

Литература

1. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика, <http://sch-yuri.narod.ru/transltn/krupnov.htm#1>.
2. Daszyńska I. Rosyjsko-polskie monoekwiwalenty frazeologiczne, [w:] *Kontakty językowe polsko-wschodniosłowiańskie*, Rzeszów 1995, s. 55-65.
3. Nida E. Zasady przekładu na przykładzie tłumaczenia Biblii, «Pamiętnik Literacki», 1981, nr 72.